

- ВЫ РОДИЛИСЬ в 1916 году в Чите, в Забайкалье. А как оказались в Китае?

- Когда мне было пять лет, родители увезли меня в Харбин. В Читинской области была так называемая ДВР, Дальневосточная республика. Туда приезжали китайцы и люди других национальностей, чтобы заниматься на строительстве КВЖД тех, кто уходил, не желая примириться с советской властью. Мой отец был физик, преподавал в коммерческом техникуме и политехническом институте. И мы всей семьей переехали. В то время думали: вот кончится гражданская война - вернемся. Но задержались на 26 лет. Уже в Китае я окончил школу и три курса электромеханического факультета политехнического института. В общем, должен был стать человеком, но свихнулся на музыке.

- Как возникла мысль о создании джазового оркестра?

- Радио тогда только начиналось, телевидения не было и в помине, был только патефон. В Китае эти музыкальные ящики назывались "виктролами" (потому что их производила американская фирма "Виктор Орсье", на фирменном знаке была нарисована собачка). Покупали пластинки в основном для танцев, тогда был необычайно популярен фокстрот. Существовала и соответствующая этому танцу музыка, которую потом назвали джазом.

И вот я, в очередной раз отобрав для прослушивания стопку пластинок, услышал мелодию и понял, что здесь что-то не то... Мы знали многие популярные оркестры, но это... На пластинке было написано: "Дюк Эллингтон и его оркестр", в то время никому не известный. Кстати, мне никто не верит, что тогда его никто не знал. Я купил эту пластинку и побежал домой, собрал друзей. Один из них играл на банджо, контрабасе, другой - на саксофоне, брат мой - на тромбоне. Я им поставил пластинку, и они тоже обалдели: что за оркестр? Тут я задумался: как же это, ноты одни и те же - семь, а звучание совсем разное. И решил попробовать сыграть так же... Эта пластинка у меня до сих пор жива как реликвия, только вот шипит. Тогда я ее переписал прямо по слуху.

- Олег Леонидович, как вам удалось вернуться в Россию?

- Я не был эмигрантом. Мы оставались советскими гражданами даже на территории Китая. Когда японцы захватили Маньчжурию и установили марионеточное государство Маньчжубо, мы поехали в Шанхай, еще до объявления о продаже КВЖД. Шанхай тогда называли (там было 9 миллионов жителей) Дальневосточным Вавилоном. Мы увидели, что жизнь там кипит, много музыкантов, а в 1936-м перебрались туда окончательно и организовали оркестр. В 1937 году летний сезон мы играли на Шандунском полуострове, в городе Циндау. Японцы в Циндау зайти не решились, потому что побаивались американцев. Тогда музыканты мои и говорят: "Олег, пора возвращаться домой".

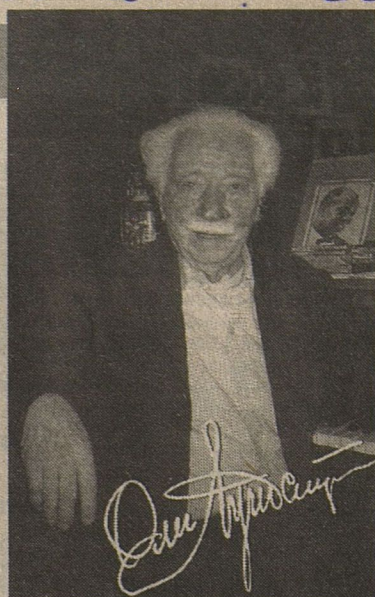
Мы приехали в Шанхай, я пошел в генеральное консульство, консулом тогда был Ерофеев. Сказал, что мы хотим вернуться домой, потому что японцы нас преследуют. А он спокойно смотрит на меня и говорит (тогда я был мальчишкой, а он лет на 15 старше меня, только потом я оценил его слова), что там каких-то троцкистов разоблачили (как будто он не знал каких), поэтому временно выдача виз прекращена. Я спросил: "А когда разберутся с троцкистами?" - "Точно не знаю, но я вам сообщу". Прошел месяц, год, два, а с троцкистами, видимо, все никак не могли разобраться. Так мы дожили до второй мировой войны.

Когда мы прочитали в газете, что немцы под Смоленском, то наш оркестр и другая молодежь собрались в клубе граждан СССР. Я уже был известен на весь Шанхай, и меня выбрали делегатом. Мы написали огромный "папирус" - просили взять нас на фронт. Я поехал в консульство. Открываю дверь и вижу: опять тот самый Ерофеев, с которым мы встречались в 1937 году: "Какие проблемы?". Я объяснил ему ситуацию и показал "папирус". Консул сказал: "Молодцы, патриоты". И тут же спросил: "Где остальные?". "На стадионе". - "Так вот, придешь и скажешь им, что генеральный консул считает: вы здесь нужнее, надо же родину защищать! Мне и в голову не приходило, что консул спасал нас. Что ожидало нас на родине? Сами понимаете... Русских институтов в Китае не было, и мы стали изучать француз-

кий язык, сдали экстерном экзамены, и я поступил на архитектурный факультет. В 1944-м получил французский диплом архитектора и только тогда поехал в СССР.

- Как ваш оркестр встретили в Союзе?

- Одна из моих любимых поговорок: "Мир не без добрых людей". Мы приехали в Казань, сами выбрали этот город. Приехали всем оркестром, со всем "обмундированием", с нотами, новыми инструментами (в них я вбухал все свои деньги), у всех была униформа. Нас прослушали и решили сделать оркестром Татарской республики. А художественным руководителем филармонии был композитор Александр Сергеевич Ключарев. Он замечательно знал татарский язык, писал музыку

ВСЕЛЕННАЯ Олега Лундстрема

Джаз Олега Лундстрема известен во всем мире. А сам он давно стал человеком-легендой.

на татарские темы и к тому же страшно любил джаз.

А в это время подросло поколение об опере Мурадели. Мы приехали в ноябре 1947-го, и через месяц нас собрал начальник по делам искусств Юрсов. Мы обрадовались, думали, что нам дадут помещение для репетиций. А он и говорит: "Я был на очень серьезном совещании ЦК ВКП(б), где постановили, что джаз народу не нужен. Но вас в обиду не дадим: трубы, тромбоны, скрипку мы приспособим в оперный спектакль, в симфонический оркестр, саксофоны - в кинотеатры, ну а гитаристы и другие - в рестораны". И все же Ключарев решил наш оркестр сохранить. Он попросил сделать несколько татарских песен в джазовой обработке. Я согласился. В перерывах между операми стали устраивать концерты, где мы всем оркестром играли эти татарские песенки. Пели их народные артисты ТАССР и РСФСР - ну кто на них поднимет руку? Я только после смерти Сталина узнал, что все джазовые оркестры разогнали, кроме Утесова, Айвазяна и нас. Так что нам повезло с художником в филармонии, он просто нас спас.

- Существует такое понятие, как "русский джаз"?

- В прошлом году мы побывали на десятом международном фестивале в Калифорнии, в Санта-Барбаре, где нас признали новаторами и лучшим бик-бендом после американцев. В двух программах - одна из них "Джаз по-русски" - мы исполняли свои произведения, в том числе Ключарева, и наши обработки американской классики (Эллингтон, Бейси, Хейли), и мы их поразили. Американцы считали, что раз Сталин и Хрущев не любил джаз, значит, в России его не было. Я сказал тогда, что мы для Сталина и Хрущева никогда не играли, а играли для народа. «А у нас есть сведения», - говорили американцы, - что у вас какие-то вещи запрещали». - «Да, запрещали, но те, кто запрещал, сидели в первом ряду и хлопали нам».

- А как складывались ваши отношения с Утесовым, он был учителем, конкурентом или единомышленником?

- Когда у Утесова был последний творческий отчет в Союзе композиторов, он уже был тяжело болен. Но душа его не выдержала, он не мог пропустить это событие: как это - концерт, и вдруг без него! В конце первого отделения он выглянул из-за занавеса (а во втором хотел представить нас, молодежь: мол, новые веяния - джаз, рок и тому подобное), и все стали топтать ногами и требовать Утесова. Он вышел на сцену и начал так: "Товарищи, перед вами человек, которому без тринадцати сто. А вы хотите, чтобы я спел? Я даже с оркестром перестал ездить. На старости

лет, конечно, у каждого появляется хобби: так вот, я начал писать стихи. Любопытней скажет, что это смешно, что я дилетант...". И совершенно незаметно он перешел на стихи. И такую сатиру на министерство выдал, которое все запрещало, что в зале начались овации, а потом начали скандировать: "Спойте!". "Но я уже давно не пою, да и оркестр уже не тот, они не знают тех песен, которые я пел. Коля, ой, Николай Григорьевич, можно на минуточку"... И Николай Григорьевич Минх вышел на сцену, а выглядел он старше Утесова, хотя годился ему в сыновья. "Извините, что я назвал его Колей, но в 1927-м он пришел ко мне пианистом и аккордеонистом в возрасте 18 лет. Ну что, Коля, мы можем что-нибудь исполнить?" Они пошептались. Коля сел за рояль, и они спели "Жили два друга". В зале началось что-то невообразимое! Былого голоса нет, а мастерство-то осталось! Он спел вторую песню, после этого никто не мог выступать и пришлось концерт закончить. Я подошел к нему и сказал: "Леонид Осипович, я вам так благодарен за этот концерт. Моя жена, узнав, что вас не будет на концерте, сказала, что не пойдет. Я всегда знал и всем говорю, что не было бы вас - не было бы и нас". Пожал ему руку и уехал домой.

Утром ко мне подбегает жена: "Тебя к телефону, Утесов". Он ни разу до этого мне не звонил, хотя мы встречались в Росконцерте. "Вы извините меня, старика, я пришел домой и всю ночь не мог заснуть: вы мне польстили, сказав, что "не было бы вас - не было бы и нас", или вы действительно так думаете?" Я ему: "Леонид Осипович, вы же меня об этом не спросили, я сам сказал. Помните, 1934 год, еще у нас никакого оркестра не было. И тут выходит фильм "Веселые ребята". Тогда "говорящее" кино еще только появилось, мы не знали, есть в России джаз или нет. И вдруг ваш оркестр, ваши инструментальные номера, эпизод с дракой - на уровне всего американского джаза того времени. Мы гордились вами, по 10 - 15 раз бегали на этот фильм. В то время был популярен оркестр Теда Льюиса - это же ваш прототип, только вы на скрипке играли, а он на кларнете. Он такой же шутник, как и вы, и тоже устраивал целое театральное представление". Утесов мне: "Я никому об этом не говорил: в 1927-м я был у родственников в Париже (еще пушкили) и попал на концерт Теда Льюиса. Тогда решил: приеду домой и создам джазовый оркестр. Я никому об этом не говорил, но вы попали в самую точку. Приходите ко мне завтра или послезавтра, мы все это обсудим". У меня было срочное дело. Я вечером того же дня уехал дней на десять. Об этом я сказал Утесову. "Да, жаль, но когда приедете, обязательно мне позвоните", - ответил

маэстро. - Мы встретимся, и я вам расскажу, какие у меня есть задумки". Я уехал. Прошло дней пять, кто-то из музыкантов позвонил домой, и мы узнали, что Утесов умер...

- Олег Леонидович, вы по-прежнему много гастролируете?

- Скоро мы уезжаем на гастроли в Набережные Челны, Казань, Екатеринбург, Челябинск. Когда начались события в Югославии, наши концерты отложили. Подумали, что наших братьев бьют американцы, а оркестр Лундстрема играет американскую музыку. Одного не поняли: мы давно играем нашу музыку. Теперь концерты возобновятся. А в сентябре должны поехать во Францию.

- Как вы относитесь к современной эстраде?

- Так называемая попса? Если она

сумеет отразить современные, вечные и простые человеческие чувства, значит, она останется, если нет, то упадет, как многие другие веяния. Наш оркестр уцелел только потому, что нас направил на правильный путь Эллингтон. Надо заниматься той музыкой, которая приносит людям эстетическое удовольствие, возвышает их.

Когда я поступил в консерваторию, у нас была марксистско-ленинская эстетика. Приехал молодой, только что окончивший ГИТИС преподаватель. Он сказал, что с точки зрения марксистской теории искусство должно отображать жизнь. Я поднял руку и сказал, что не согласен, считаю, что искусство должно возвышать жизнь. Представьте себе, что я уцелел, он на меня не напал. Потом мы с ним встретились через 50 лет, и он сказал: "Вы этим меня всего перевернули. Я сразу подумал: а может быть, этот студент действительно прав?".

- Что для вас, бывшего харбинца, значит китайская кухня?

- Равной китайской кухне нет нигде в мире. И нет города в мире, где бы не было китайского ресторана. В московском "Пекине", когда он только открылся, все повара были китайцы. Когда приносили меню, все, кто приходил туда со мной, просили, чтобы я "переписал партитуру". Согласно китайской поговорке "не так важен исходный продукт, как его оформление". Надо знать, что брат.

- В чем же отличие китайской кухни от русской?

- Отличие, например, китайских пельменей в том, что для фарша используются три вида мяса: говядина, баранина и свинина - в определенных пропорциях, поэтому их вкус не похож на наши пельмени. Китайцы замешивают соль соевым соусом, поэтому все их блюда такие специфические. А обед по-китайски состоит как минимум из 16, а то и 30 блюд, но каждого - понемножку. Китайский стол - круглый, все блюда ставятся посередине, и стол крутится, чтобы досталось всем. Вы можете дотянуться до любого блюда и в любом порядке. Сначала может быть что-то очень острое, а потом вдруг - сладкое, потом - опять острое. У нас нельзя съесть суп, потом сладкое, а потом второе. А у них можно.

- А какие напитки сочетаются с такими блюдами?

- Китайцы предпочитают рисовую водку, ханшин. Они ее пьют подогретую, теплую, но она настолько напоминает нашу сивуху, что я ее пить не могу. А напоследок мне хочется вспомнить одну китайскую мудрость: "Хорошо, когда человек - хозяин вина, но плохо, когда вино - хозяин человека".

Беседу вел
Ксения ТЮРИНА.